

Д.В. Михель

ЭХО «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ» В КРУГАХ СОВЕТСКОЙ ДИССИДЕНТСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ¹

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как идея интеллектуальной свободы, провозглашенная в качестве одной из главных ценностей идеологами «Пражской весны», нашла свой отклик в кругах советской диссидентской интеллигенции. Академик А.Д. Сахаров к «Пражской весне» пришел через внутренний конфликт ученого и гражданина – конфликт, в котором, как он считал, гражданин победил ученого, и поэтому физик-ядерщик А.Д. Сахаров, покинув свой институт, обратился к правозащитной деятельности. Эхо «Пражской весны» у А.Д. Сахарова в наиболее полной мере звучит в его «Размышлениях о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Писатель А.И. Солженицын «Пражскую весну» воспринял как собственное детище – письмо на IV съезде чехословацких писателей он считал причиной начавшихся в ЧССР изменений, а также как первый настоящий бой с ненавистным «режимом» – бой проигранный, но закаливший проигравшую сторону – советских и чехословацких диссидентов. Историки-диссиденты М.Я. Геллер и А.М. Некрич восприняли «Пражскую весну» как островок свободы в царстве «реального социализма», о который этот социализм сначала сломал зубы, а затем и собственную шею. Для них «Пражская весна» стала также поводом для осмысления себя и своего отношения к бывшим согражданам в СССР, воспринявшим гибель «Пражской весны» как необходимость. Вопрос о том, как эхо «Пражской весны» отозвалось в кругах советской диссидентской интеллигенции, будет приводить нас к разным ответам в зависимости от того, как мы будем трактовать одно из долгосрочных последствий самой «Пражской весны» – распад советского государства. Из-под обломков этого распавшегося государства, после долгих лет собственной неустроенности и неприютности далекие «чехословацкие события» 1968 г. выглядят всего лишь как неизбежный эпизод в цепочке других исторических событий – «нового мышления» М.С. Горбачева, Перестройки, Беловежского соглашения, кровавых войн по всему периметру бывшего СССР. Однако это же самое событие можно рассматривать и как проверку на человечность, на наличие совести и мудрости, на политическую сдержанность или горячность.

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20-78-10053 «Советско-чехословацкие научные коммуникации в 1948–1991 гг.: трансфер идей и социальные практики ученых».

Ключевые слова. «Пражская весна»; интеллектуальная свобода; А.Д. Сахаров; А.И. Солженицын; М.Я. Геллер и А.М. Некрич.

Михель Дмитрий Викторович – доктор философских наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХИГС), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН). Россия, Москва.
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru.
Web of Science Researcher ID: N-2263-2017

Mikhel D.V. Echoes of the «Prague Spring» in the circles of the Soviet dissident intelligentsia

Abstract. This article examines how the idea of intellectual freedom, proclaimed as one of the main values by the ideologues of the Prague Spring, resonating in the circles of the Soviet dissident intelligentsia. Academician A.D. Sakharov came to the «Prague Spring» through an internal conflict between a scientist and a citizen – a conflict in which, as he believed, the citizen defeated the scientist, and therefore the nuclear physicist A.D. Sakharov, having left his institute, turned to human rights activities. Sakharov's echo of the «Prague Spring» can be heard entirely in his «Reflections on Progress, Peaceful coexistence and Intellectual Freedom». A.I. Solzhenitsyn took the «Prague Spring» as his brainchild – he considered the letter to the 4 th Czechoslovak Writers' Congress the cause of the changes launched in Czechoslovakia, and as the first real battle with the hated «regime» – a lost battle, but which strengthened the losing side – the Soviet and Czechoslovak dissidents. Historians – dissidents M.Ya. Heller and A.M. Nekrich saw the «Prague Spring» as a freedom island in the realm of «real socialism», on which socialism first broke its teeth and then its neck. For them, the «Prague Spring» was also an occasion to reflect on themselves and their relationship to their former fellow citizens in the USSR, who perceived the demise of the «Prague Spring» as a necessity. The question of how the call of the Prague Spring resonated in Soviet dissident intelligentsia will lead us to different answers, depending on how we interpret one of the long-term consequences of the Prague Spring itself: the collapse of the Soviet state. Under the wreckage of this disintegrating state, after years of its unsettlement and inhabitation, the distant «Czechoslovak events» of 1968 look only like an inevitable episode in a chain of other historical events – Mikhail Gorbachev's «new thinking», Perestroika, the Belovezha Accords, bloody wars across the perimeter of the former USSR. However, this same event can also be seen as a test of humanity, conscience and wisdom, political restraint or fervor.

Keywords: Prague Spring; intellectual freedom; A.D. Sakharov; A.I. Solzhenitsyn; M.Ya. Heller and A.M. Nekrich.

Mikhel Dmitry Viktorovich – Doctor of Philosophical Sciences,
Professor of Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Leading Researcher of Institute

of World History of the Russian Academy of Sciences
(IWI RAN). Russia, Moscow.
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru.
Web of Science Researcher ID: N-2263-2017

Введение

Едва ли не каждое значимое историческое событие по прошествии некоторого времени имеет огромный шанс быть пересмотренным со стороны той или иной группы историков, неудовлетворенных его трактовкой в рамках так называемой традиционной историографии. Оно способно стать предметом ожесточенных «боев за историю», в ходе которых борьба за правильный образ прошлого всегда ведется с прицелом на желаемый образ будущего. Одним из таких значимых исторических событий, к которым неизменно обращено внимание историков, продолжает оставаться «Пражская весна» – недолгий период либерализации в Чехословакии (с 5 января по 21 августа 1968 г.), связанный с избранием лидером чехословацкой коммунистической партии Александра Дубчека (1921–1992) и реформами, направленными на децентрализацию власти и расширение прав и свобод граждан в ЧССР.

Для современного российского общества далекие события «Пражской весны» во многом уже стерлись из памяти, но всякое новое обращение к ним побуждает задаваться вопросом о месте и роли «Пражской весны» в недавней советской истории, а также о том, как повлияла последующая «нормализация» Чехословакии на судьбы советского государства, судьбы социализма и наши собственные индивидуальные судьбы. Бесспорно, взгляд из России на сам феномен «Пражской весны» уже не тот, что был полвека назад, поскольку он теперь отражает и историю нашей собственной перестройки, и трагический опыт распада огромного советского государства, и историю продвижения НАТО непосредственно к границам нынешней Российской Федерации, и свежий ветер «Крымской весны», и много других исторических событий огромной важности. Видимо, в силу растущей временной дистанции, разделяющей нас сегодня с этим событием, феномен «Пражской весны» все более воспринимается как нечто исторически неслучайное и находящееся в одном ряду с событиями, которых не удалось избежать, – массового разочарования народов Восточной Европы, а затем и советских граждан в «реальном социализме», развала социалистического лагеря, реформ М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина, кровавых вооруженных конфликтов по всему периметру бывшего Советского Союза, тяжелого груза проблем, доставшихся в наследие современной России от «лихих девяностых»².

2. Одна из попыток оценки восприятия «Пражской весны» в российском общественном сознании представлена с ярко выраженных либеральных позиций у Л.Д. Гуко-

Одним из исторически значимых отголосков «Пражской весны» в Советском Союзе стало появление диссидентского движения, которое сформировалось из числа представителей советской научной и творческой интеллигенции – ученых, писателей, журналистов, философствующих интеллектуалов, несогласных в той или иной степени с политикой власти. Зачатки его возникли еще в 1950-е годы под влиянием решений XX съезда КПСС, политики разоблачения «культы личности» и Будапештских событий 1956 г. Однако новой силой оно достигло спустя лишь десятилетие – после свержения с поста Генерального секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, первых всплесков национализма на Украине, в Литве и Закавказье, появления разоблачительных публикаций А.И. Солженицына, политического процесса по «делу четырех», известного также как суд над «самиздатчиками»³ и, конечно, самой «Пражской весны». Официальная советская пропаганда провела большую работу по нейтрализации последствий «Пражской весны» для сознания советских граждан, но зов «Пражской весны» все же отозвался нестройным эхом со стороны советской интеллигенции, дав старт новым мыслям и новым чувствам. В этой статье будет показано, как «Пражская весна» была воспринята некоторыми советскими интеллектуалами, имеющими прямое или косвенное отношение к кругам советской диссидентской интеллигенции, – людьми, провозгласившими ценность интеллектуальной свободы – ценность, которая была провозглашена и непосредственными творцами «Пражской весны» в Чехословакии.

«Пражская весна» и тезисы А.Д. Сахарова

«Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» академика А.Д. Сахарова стали звонким эхом «Пражской вес-

ва, который акцентирует внимание на готовности современного российского общества «стереть из памяти» феномен «Пражской весны» в связи с «неудачей демократических и рыночных реформ в России и подъемом неотрадиционализма» [Гудков 2008]. В значительной мере созвучны с этой оценкой материалы, собранные Йозефом Паздеркой [Вторжение 2016]. Отметим также состоявшуюся осенью 2008 г. в Институте славяноведения РАН конференцию, посвященную 40-летию чехословацких событий. По ее итогам был опубликован внушительный сборник научных работ, в котором приняли участие 39 авторов, попытавшихся представить объективную оценку этих событий. Одна из его публикаций была специально посвящена вопросу о влиянии событий «Пражской весны» на советскую интеллигенцию и связанный с этим процесс формирования «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму. Автор этой статьи специально обращает внимание на сохраняющуюся до сих пор узкую документальную базу, не позволяющую в полной мере осветить данный вопрос [Мурашко 2010].

3. Более полно о суде по «делу четырех» и его месте в истории диссидентского движения в СССР см. в публикации А.Ю. Даниэля: [Даниэль 2008].

ны» в кругах советской диссидентской интеллигенции. Первой официальной публикацией «Размышлений» стала публикация 22 июля 1968 г. в «Нью-Йорк Таймс», где она заняла целых три страницы; при этом про А.Д. Сахарова было сказано лишь то, что он физик-ядерщик. Но еще до выхода этой статьи в свет в полном виде она вышла в кратком изложении в той же американской газете 11 июля 1968 г., а про самого автора сообщалось, что он «помогал развигивать советскую водородную бомбу». Лишь когда статья вышла в том же году отдельным изданием с обширным предисловием американского журналиста-советолога Гэрисона Солсбери [Sakharov 1968] было, наконец, указано, что ее автором является отец советской водородной бомбы [Горелик 2004, с. 466–467; Gorelik 2005, p. 293]. К концу 1968 г. статья А.Д. Сахарова была опубликована около 30 раз в различных зарубежных изданиях [Горелик 2004, с. 467]. Кроме того, летом 1968 г. текст «Размышлений» в полном объеме был зачитан в радиозфире из мюнхенского офиса «Радио Свобода», вещавшей на СССР и пользующейся вниманием советских диссидентов [Сосин 2008, с. 96].

Летом 1968 г. «Размышления» вышли в чешском переводе в приложении к газете «Млада Фронта». По словам известного чешского писателя-диссидента и последнего президента Чехословакии Вацлава Гавела, «“Размышления” представляли собой не просто литературный текст, а своего рода политическую программу». Гавел не сообщает о том, как именно комментировались им и его товарищами идеи А.Д. Сахарова в 1968 г., однако ясно, что «Размышления» имели в ЧССР большой интерес и вызвали отклики, поэтому, когда в 1975 г. советскому ученому была присуждена Нобелевская премия мира, чехословацкие диссиденты приветствовали это событие [Гавел 2006, с. 9–10].

Сам А.Д. Сахаров сообщает, что начал готовиться к написанию этого текста еще в 1967 г., а в начале 1968 г. он сел за его написание⁴, предполагая,

4. А.В. Островский в критически-разоблачительной биографии А.И. Солженицына, затрагивая эпизод с написанием «Размышлений», приходит к выводу, что А.Д. Сахарова к его написанию подтолкнул физик-диссидент Юрий Живлюк, работавший в ФИАН СССР. Он обращает внимание на то, что проблемы, поставленные А.Д. Сахаровым, незадолго до этого стали разрабатываться некоторыми западными экспертами, в том числе Аурелио Печчеи. «Для обсуждения этих проблем весной 1968 г. в Риме была организована специальная встреча ученых и специалистов в области планирования, в результате которой возник так называемый Римский клуб. Таким образом, получается, что Ю. Живлюк подтолкнул А. Д. Сахарова на разработку и осмысление тех же самых проблем, для решения которых в это же время создавался Римский клуб» [Островский 2004, с. 237–238]. А.В. Островский считает, что появление «Размышлений» А.Д. Сахарова, так же, как и появление целого ряда известных диссидентских текстов в конце 1960-х годов, были звеньями одной цепи событий

что речь идет о книге. «В ней я хотел отразить свои мысли о самых важных вопросах, стоящих перед человечеством, – о войне и мире, о диктатуре, о запретной теме сталинского террора и свободе мысли, о демографических проблемах и загрязнении среды обитания, о той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. На общем настроении работы сказало время ее написания – разгар “Пражской весны”». К концу апреля 1968 г. работа над текстом «Размышлений» была завершена, и, как замечает сам А.Д. Сахаров, в мае-июне эта работа “стала достоянием «самиздата”», широко распространившись в СССР [Сахаров 2006 b, с. 68–69].

Ведущий биограф А.Д. Сахарова Геннадий Горелик сообщает, что ученый решил взяться за написание этого текста после того, как убедился в том, что высшее советское руководство не готово прислушиваться к мнению научных экспертов о последствиях боевого применения термоядерного оружия. Если в США Солсбери полагал, что позиция А.Д. Сахарова хорошо известна его коллегам, а сами ученые представляют влиятельную группу в советском обществе, то для отца советской водородной бомбы к 1968 г. стало очевидно, что у него больше не осталось шансов повлиять на позицию властей по термоядерному оружию, иначе как организовав специальную публикацию. Непосредственным поводом для написания «Размышлений», согласно Г. Горелику, стало осознание А.Д. Сахаровым того факта, что вместе с появлением нового противоракетного оружия, достигнутое стратегическое равновесие между СССР и США легко может быть нарушено, а значит миру отныне грозит опасность полного уничтожения [Горелик 2018].

Логично предположить, что оба главных тезиса «Размышлений», возникли из осмысления А.Д. Сахаровым своей собственной профессиональной и личностной ситуации: с одной стороны, он – ученый, лучше всех знающий о катастрофических последствиях применения термоядерного оружия; с другой – гражданин, осознающий, что его знания в этой их части не востребованы, и поэтому важно переломить ситуацию в отношении власти к ученому. Первый тезис сахаровских «Размышлений» – о грозящей человечеству опасности и необходимости мирного сотрудничества в виду угроз всеобщей термоядерной

[Островский 2004, с. 239]. Комментируя это наблюдение, А.И. Фурсов приходит к выводу о контроле за этими процессами со стороны советских и американских спецслужб. Если для ЦРУ косвенная поддержка диссидентов была закономерной тактикой в рамках продолжающейся «холодной войны», то для КГБ СССР возможный интерес к диссидентскому движению, по его мнению, был связан с попытками переопределить курс развития СССР и перевести страну с административно-командной модели на рельсы «рыночной экономики» [Фурсов 2020]. Приведенные А.И. Фурсовым аргументы позволяют, по крайней мере, судить о том, что некоторые советские руководители, включая высокопоставленных сотрудников КГБ, были заинтересованы в том, чтобы дирижировать диссидентской средой.

войны, а также прочих угроз – голода, культурной деградации, экологических бедствий; второй тезис – о необходимости интеллектуальной свободы, т.е. свободы получения и распространения информации, свободы непредвзятого и бесстрашного суждения, свободы от давления авторитета и предрассудков [Сахаров 2006 б, с. 70–72].

Сам А.Д. Сахаров оценивал свои «Размышления» весьма сдержанно. «В основном это компиляция либеральных, гуманистических и ”наукokratических” идей, базирующаяся на доступных мне сведениях и личном опыте. Я оцениваю сейчас это произведение как эклектическое и местами претенциозное, несовершенное (“сырое”) по форме. Тем не менее основные мысли его мне дороги» [Сахаров 2006 б, с. 68]. Еще более сдержанно оценивали его идеи даже те, кто сочувствовал им. По словам самого ученого, «многие, даже сочувствующие, критики воспринимали мои мысли в этой работе как очень наивные, прожектерские» [Сахаров 2006 а, с. 53]. В плане реализации первого тезиса ход рассуждений А.Д. Сахарова в целом сводился к следующему: проведение политических реформ в СССР, создание многопартийности, демократизация общественной жизни, демонстрация своей доброй воли к сотрудничеству с США и другими странами Запада, конвергенция мировых систем, осуществление на этой основе совместных проектов по решению главных глобальных проблем – ограничению вооружений, устранению голода, преодолению экологических угроз. При этом никакой апелляции к геополитике, никакого понимания того, как мыслят руководители США и их союзники, которые к этому времени находились уже 20 лет в состоянии холодной войны с Советским Союзом. В последнем случае, впрочем, ученый, по-видимому, вдохновлялся примером президента США Дж. Кеннеди⁵, который

5. В своих «Воспоминаниях» А.Д. Сахаров упоминает о Дж. Кеннеди в связи с историей подписания Московского договора 1963 г. о запрещении ядерных испытаний в трех средах [Сахаров 2006, с. 513]. Имя Дж. Кеннеди упоминается им и тогда, когда он цитирует Н.С. Хрущева о своем споре с ним по поводу необходимости ограничения ядерных испытаний. Во время торжественного приема в Кремле, со слов А.Д. Сахарова, Н.С. Хрущев стал произносить тост в честь присутствующих, а затем сказал следующее: «Я получил записку от академика Сахарова... Сахаров пишет, что испытания нам не нужны. Но вот у меня справка – сколько испытаний произвели американцы... Тут он лезет не в свое дело. Можно быть хорошим ученым и ничего не понимать в политических делах... Мы встретились с Кеннеди в Вене. Эта встреча могла бы быть поворотной точкой. Но что говорит Кеннеди? ”Не ставьте передо мной слишком больших требований... Если я пойду на слишком большие уступки – меня свалят!” Хорош мальчик! Приехал на встречу, а сделать ничего не может. На какого черта он нам такой нужен! Что с ним разговаривать, тратить время? Сахаров, не пытайтесь диктовать нам, политикам, что нам делать, как себя держать. Я был бы последний слюняй, а не Председатель Совета Министров, если бы слушался таких, как Сахаров!» [Сахаров 2006, с. 477–478].

вместе с Н.С. Хрущевым инициировал в 1963 г. Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах и который, кроме того, в 1963 г. произнес свою знаменитую «Речь о мире», призвав американцев пересмотреть отношение к СССР, к холодной войне и своей гегемонистской внешней политике. Но Дж. Кеннеди был убит, а Н.С. Хрущев отстранен от своего поста. Политическая реальность, изменилась, но А.Д. Сахаров не был готов это признать. Он предпочел проигнорировать эту политическую реальность, заняв отстраненную – этическую – позицию и свято веря в то, что и все остальные смогут со временем поступить так же, и что начатый в 1963 г. Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущевым диалог между двумя сверхдержавами следует продолжать. В этом и состоял политический идеализм А.Д. Сахарова и его «наивность» и «прожектерство», о которых он сам и упоминал.

Второй тезис А.Д. Сахарова – о необходимости интеллектуальной свободы – возник как закономерное дополнение первого. Логика, которой он здесь руководствовался, была следующей: если ученые лучше знают о том, чем может для мира обернуться использование современного ядерного и термоядерного оружия, то нельзя им затыкать рот; ученые, как и вся советская интеллигенция, имеют право на свободное выражение своего мнения, ибо они тоже несут ответственность за свой народ и свою страну; власти обязаны слушать ученых, даже если им это не нравится по тем или иным причинам – А.Д. Сахаров был убежден в необходимости продолжения «хрущевской оттепели», полагая, что свобода дискуссий, как и свобода совести, будут несомненно способствовать изживанию наследия сталинизма и превращения СССР из страны, обладающей только бомбами и ракетами, в страну, обладающую свободно мыслящей научной и творческой интеллигенцией. Для А.Д. Сахарова как ученого, привыкшего считать, что научные истины являются универсальными и не зависят от национальности и партийной принадлежности того кто ими владеет, было закономерно считать, что и интеллектуальная свобода должна быть универсальной ценностью. Между тем и здесь он никак не учитывал сложившихся геополитических обстоятельств, будучи способным интерпретировать их в лучшем случае на идеологическом уровне. Характерно, что в КГБ СССР размышления А.Д. Сахарова смогли оценить не только сквозь призму идеологии, но и в геополитической перспективе.

22 мая 1968 г. Председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов подготовил для Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева краткий доклад о диссидентской деятельности А.Д. Сахарова и, в частности, о только что появившейся рукописи его «Размышлений». Из сообщения Ю.В. Андропова следовало, что большая часть рукописи (начиная с шестой страницы) оказалась в руках сотрудников КГБ благодаря машинистке из Арзамаса-16, которую А.Д. Сахаров попросил перепечатать этот текст. Доклад Председателя КГБ был подготовлен в спешке, поэтому его автору тогда даже еще не было

известно само название рукописи А.Д. Сахарова. В докладе были изложены все основные тезисы А.Д. Сахарова, включая его предложение укрепить сотрудничество между СССР и США ради общего блага всего человечества. Не был обойден стороной и «чехословацкий вопрос». В докладе Ю.В. Андропова была специально приведена целая выдержка из рукописи ученого (приводится из текста доклада. – *Д. М.*): «Сегодня интеллектуальная свобода является ключом к прогрессивной перестройке государственного строя в интересах человечества. Это поняли, в частности, в Чехословакии; мы должны поддерживать их мужественную инициативу, которая столь ценна для будущего социализма и всего человечества» [The KGB 2005, p. 86–88].

13 июня, 18 июля, 4 августа 1968 г. Ю.В. Андропов представил в ЦК – лично Л.И. Брежневу – еще три доклада о А.Д. Сахарове, а 26 августа его заместитель генерал С.К. Цвигун – еще два. Во всех этих пяти докладах были подняты вопросы, проливающие свет на общее восприятие инициатив ученого руководством СССР в горизонте тогдашних международных событий. В частности, руководство КГБ сообщало о том, что вследствие своего обращения к проблемам политики А.Д. Сахаров перестал уделять внимание своим прямым обязанностям – работе по созданию стратегических вооружений [The KGB 2005, p. 88]. Кроме того, было отмечено, что «враждебные элементы» теперь пытаются использовать имя этого известного ученого для осуществления своих антисоветских планов. Отмечалось также, что попытки вовлечения А.Д. Сахарова в антисоветскую деятельность сочетались с планами по вовлечению в нее и других крупных советских ученых-ядерщиков, таких как Ю.Б. Харитон, что также будет препятствовать осуществлению советских оборонных проектов [The KGB 2005, p. 88–89]. Далее сообщалось, что публикация текста А.Д. Сахарова на Западе, так же как и публикация там других работ советских диссидентов, подтолкнула один из комитетов Сената США заняться подготовкой специального доклада об интеллектуальном брожении и диссидентстве в СССР, в котором американские эксперты решили связать между собой рост инакомыслия в кругах советской интеллигенции, распространение националистических настроений в советских республиках, особенно на Украине, возрождение религиозных умонастроений и события в Чехословакии [The KGB 2005, p. 93].

Советским властям было необходимо решить, как ответить на вызов А.Д. Сахарова. Ю.В. Андропов, в частности, предложил вызвать ученого для разговора с одним из секретарей ЦК КПСС и разъяснить ему всю ситуацию в целом, чтобы предостеречь от дальнейшего вовлечения в антисоветскую деятельность [The KGB 2005, p. 90]. Однако похоже на то, что никакого ответа А.Д. Сахарову дано так и не было. Напротив, возникла некая затяжная пауза, которая вызвала массу вопросов со всех сторон – среди правительственных кругов, журналистов и экспертов Государственного департамента США, среди

политических деятелей стран социалистического лагеря, среди советской интеллигенции: почему молчит советское руководство? Не является ли это свидетельством того, что между СССР и США затевается какой-то тайный сговор? Не являются ли самиздатские рукописи А.Д. Сахарова, попавшие на Запад, специально организованным сигналом из Кремля о том, что СССР готов встать на путь демократизации? Когда генерал С.К. Цвигун в своем докладе [The KGB 2005, p. 94–95] сообщал об этом, войска стран Варшавского договора уже завершили подавление «чехословацкого мятежа». «Пражская весна» закончилась, но родившийся в ее атмосфере диссидентский вызов академика А.Д. Сахарова все еще не получил окончательного ответа со стороны властей СССР.

А.И. Солженицын и «чехословацкие события»

Почти в те же самые недели, когда А.Д. Сахаров писал свои «Размышления», А.И. Солженицын заканчивал свой «Архипелаг ГУЛАГ». 6 апреля 1968 г. он посетил семью Чуковских и передал на перепечатку первый том «Архипелага» [Островский 2004, с. 239]. Весь последующий месяц писатель провел на своей даче в Борзовке, где в один из апрельских вечеров услышал, как на радиостанции Би-Би-Си читают его «Раковый корпус». Но к этому моменту имя А.И. Солженицына как писателя-диссидента уже было хорошо известно за границей.

В июне 1967 г. о существовании А.И. Солженицына узнали в Праге. Это случилось в ходе IV съезда писателей Чехословакии, где чешский прозаик и драматург Павел Когоут, уже тогда известный своими диссидентскими взглядами, прочитал письмо А.И. Солженицына IV Всесоюзному съезду писателей СССР⁶. Л.И. Сараскина полагает, что именно с этого писательского форума, где «впервые открыто прозвучали призывы к демократизации, все и началось» [Сараскина 2014, с. 166]. Письмо А.И. Солженицына к советским писателям было задумано еще в апреле 1967 г., когда писатель решил окончательно порвать отношения с властью. А.И. Солженицын заготовил около 250 экземпляров [Сараскина 2014, с. 143] послания к участникам съезда, призывая покончить с практикой идеологического контроля над советскими литераторами. Его письмо не было зачитано на съезде, но А.И. Солженицын добился права выступить на нем сам, и этот демарш получил большой резонанс в интеллектуальных кругах. Многие думали, что А.И. Солженицына

6. Э. Бар указывает на то, что на этом съезде сознанием писателей владели не только мысли о том, что хрущевская «оттепель» закончилась очередными «заморозками», но и идеи поднятого на цит Франца Кафки с его критикой по адресу мелочного бюрократического контроля [Vahr 1970].

арестуют, но этого не произошло. В мае 1968 г. немецкий писатель Генрих Бёлль в интервью радиостанции «Немецкая волна» скажет: «В кругу пражской интеллигенции ходит слух, что в Москве готовится показательный суд над писателем Солженицыным. В Чехословакии – это один из самых любимых советских писателей. Его ставшее знаменитым Письмо было зачитано на Съезде чехословацких писателей и обусловило не в последнюю очередь реформы последующих месяцев» [Сараскина 2014, с. 166].

Остаток весны и летние месяцы 1968 г. были важным периодом в биографии А.И. Солженицына. Это было время доработки его главных романов и внимания к новостям из Праги. Позже он сам писал об этом так: «Счастливей того лета придумать было нельзя – с такой легкой душой так быстро доделывал я роман. Счастливей бы не было, если б – не Чехословакия... Считаю наших не окончательными безумцами, я думал – они на оккупацию не пойдут. В ста метрах от моей дачи сутки за сутками лились по шоссе на юг танки, грузовики, спецмашины, – я все считал, что наши только пугают, маневры. А они – вступили и успешно раздавили. И значит, по понятиям XX века, оказались правы. Эти дни – 21, 22 августа, были для меня ключевые. Нет, не будем прятаться за фатум: главные направления своей жизни все-таки выбираем мы сами. Свою судьбу я снова сам выбирал в эти дни. Сердце хотело одного – написать коротко, видоизменить Герцена: стыдно быть советским! В этих трех словах – весь вывод из Чехословакии, да вывод из наших всех пятидесяти лет! Бумага сразу сложилась. Подошвы горели – бежать, ехать» [Солженицын 1996, с. 214].

В первый момент, когда А.И. Солженицын узнал о вводе войск в Чехословакию, он, по его собственному признанию, хотел написать протестное письмо и просить подписать его наиболее известных ему представителей советской интеллигенции – Д.Д. Шостаковича, А.Т. Твардовского, М.Л. Ростроповича, П.Л. Капицу, М.А. Леонтовича, А.Д. Сахарова, в которых он видел своих единомышленников. Но уже сразу он отказался от этого замысла, посчитав, что никто из них не посмеет такое письмо подписать. Вместо этого он решил закончить работу над «Архипелагом», полагая, что это будет лучший ответ на подавление «Пражской весны». О своих чувствах сам он писал следующее: «Я – смолчал. С этого мига – добавочный груз на моих плечах. О Венгрии – я был никто, чтобы крикнуть. О Чехословакии – смолчал. Тем постыдней, что за Чехословакию была у меня и особая личная ответственность: все признают, что у них началось с писательского съезда, а он – с моего письма, прочтенного Когоутом» [Солженицын 1996, с. 216]. В эссе «Жить не по лжи», подписанном датой его ареста от 12 февраля 1974 г., написано: «Преданный нами, обманутый нами великий народ Европы – чехословацкий – неужели не показал нам, как даже против танков выстаивает незащищенная грудь, если в ней достойное сердце?» [Солженицын 1974 а]. В «Теленке» же

он добавил следующее примечание к этим мыслям: «А глянуть просторней – кто кого обманул и с каким душевным величием, когда чехословацкие легионеры дезорганизовали колчаковское сопротивление, самого Колчака предали на расстрел большевикам, а через Сибирь увозили украденное русское золото? (И они не были к тому принуждаемы пулей, как наши солдаты в 1968.) Это – один из нередких в истории примеров, когда люди, группы и даже целые нации в безумной слепоте куют свое же гибельное будущее» [Солженицын 1996, с. 216].

А.В. Островский смотрит на события 21 августа 1968 г. с участием А.И. Солженицына в более критическом свете. Он подчеркивает, что известия о подавлении «Пражской весны» не заставили писателя сдвинуться с места. Все предшествующие этой дате дни, как и все последующие, А.И. Солженицын был занят переделкой романа «В круге первом», а о своей страстной реакции на ввод войск в Чехословакию писатель напишет уже позднее, когда закончит свои главные литературные планы на лето 1968 г. 25 августа на дачу А.И. Солженицына прибыли гости, и лишь на следующий день писатель выехал в Москву – на встречу с академиком А.Д. Сахаровым. Как точно А.И. Солженицын оценивал события, связанные с подавлением «Пражской весны», именно 21 августа, очевидно, остается только гадать. А.В. Островский в этой части своего исследования о писателе приводит собственное мнение по факту ввода войск: «"Пражская весна" показала, что начавшаяся демократизация общества идет по линии неизбежного отстранения КПЧ от власти, что создавало для Советского Союза угрозу не только утраты одного из военно-политических плацдармов в Восточной Европе, но и вытеснения с чехословацкого рынка. Это в значительной степени предопределило силовое решение проблемы» [Островский 2004, с. 246].

26 августа 1968 г. в Москве на квартире академика Е.Л. Фейнберга А.И. Солженицын впервые встретился с А.Д. Сахаровым. Но в тот же день в его жизни произошло еще одно важное событие: он с познакомился с Н.Д. Светловой – своей будущей женой. Писатель пригласил ее, сотрудницу лаборатории математической статистики механико-математического факультета МГУ, стать его помощницей и предложил ей взять в работу одну из своих рукописей [Островский 2004, с. 247]. Нельзя не заметить, что в дальнейшей жизни А.И. Солженицына 26 августа 1968 г. стало судьбоносным днем. Его встреча с А.Д. Сахаровым длилась не менее двух часов. По воспоминаниям Е.Л. Фейнберга, которые приводит Г. Горелик, говорил в основном А.И. Солженицын, а А.Д. Сахаров в свойственной ему манере больше слушал [Горелик 2004, с. 473]. А.И. Солженицын, вспоминая об этой встрече, пишет, что в основном говорил он, а предметом стали «Размышления» А.Д. Сахарова: «Я был, наверно, недостаточно вежлив и излишне настойчив в критике, хотя сообразил это уже потом: не благодарил, не поздравлял, а всё критико-

вал, опровергал, оспаривал его меморандум, да еще без подготовленного плана... Потом мы примерялись, не можем ли как-то выступить насчет Чехословакии, – но не находили, кого бы собрать для сильного выступления: все именитые отказывались поголовно, он подтвердил, что из видных физиков никто не подпишет» [Солженицын 1996, с. 336]. А.Д. Сахаров об этой беседе вспоминает лишь то, что касалось мнения А.И. Солженицына о его статье: «Он начал с комплимента... Дальше он остро сформулировал – в чем со мной не согласен. Ни о какой конвергенции говорить нельзя... Запад не заинтересован в нашей демократизации, а сам запутался со своим чисто материальным прогрессом и вседозволенностью, но социализм может его окончательно погубить. Наши же вожди – бездушные автоматы, которые вцепились зубами в свою власть и блага... Я преуменьшаю преступления Сталина и напрасно отделяю от него Ленина – это единый процесс уничтожения и разращения, он... продолжается до сих пор... Неправильно мечтать о многопартийной системе – нужна беспартийная система... Ученые и инженеры – это огромная сила, но в основе должна быть духовная цель... Я сказал ему, что в его замечаниях, конечно, много истинного... Но я должен о многом прежде подумать» [Горелик 2004, с. 476].

Из состоявшейся на квартире Е.Л. Фейнберга беседы двух самых известных советских диссидентов этой эпохи ясно, что вопрос о «чехословацких событиях» не был главным для них обоих. Но он был поводом для нее и ее фоном. Собеседникам тогда было просто важно впервые увидеть друг друга и сопоставить свои позиции. Они признались друг другу в симпатиях, и именно с этими взаимными чувствами расстались, чтобы потом по мере возможности поддерживать друг друга. А.И. Солженицын откликнулся на «Размышления» А.Д. Сахарова своей статьей «На возврате дыхания и сознания» – весьма критической по содержанию, но благожелательной по интонации, которая была готова уже в 1969 г., но вышла в YMCA-PRESS лишь в 1974 г. [Солженицын 1974 b]. А.Д. Сахаров публично поддержал А.И. Солженицына своей статьей «О письме Александра Солженицына “Вождям Советского Союза”», опубликованной 3 апреля 1974 г., уже после высылки писателя. В ней, в частности, звучали такие слова: «Опубликование письма Солженицына – важное общественное явление, еще один факт свободной дискуссии по принципиальным проблемам. Солженицын, несмотря на то, что некоторые черты его мирозерцания представляются мне ошибочными, является гигантом борьбы за человеческое достоинство в современном трагическом мире» [Горелик 2004, с. 480].

За сутки до встречи А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова на Красной площади у Лобного места состоялась знаменитая «Демонстрация семерых». Собравшиеся на площади демонстранты – их оказалось восемь – держали в руках плакаты на русском и чешском языках «Руки прочь от ЧССР!», «Да

здравствует свободная и независимая Чехословакия!», «За нашу и вашу свободу!» и др. Акция началась в 12 часов, и уже вскоре все ее участники были арестованы. Согласно отчету за подписью Ю.В. Андропова, количество арестованных составило 11 человек, но часть из них была сразу отпущена [Записка КГБ 1968]. Всего же количество несогласных с вводом войск в Чехословакию в СССР было гораздо больше. Составленный спустя 40 лет после этих событий поименный список несогласных с их краткими биографическими справками включил в себя 160 человек [Люди августа 2008]. Получившая резонанс как в СССР, так и за рубежом эта акция на Красной площади стала самым сильным эхом «Пражской весны» в кругах советской диссидентской интеллигенции и ключевым эпизодом в истории советского диссидентского движения 1960-х годов.

«Пражская весна» сквозь призму книги Геллера и Некрича

У истории «Пражской весны» какое-то время не было своих летописцев, однако попытки связать «чехословацкие события» с историей советского диссидентства были предприняты уже в самом начале 1980-х годов. Примечательным явлением такого рода стала книга двух бывших советских историков М.Я. Геллера и А.М. Некрича «Утопия у власти», представляющая собой двухтомный обзор истории СССР от момента возникновения советского государства до ввода советских войск в Афганистан. Событиям «Пражской весны» в этой работе уделено всего десять страниц, но они оказались чрезвычайно значимыми для общего понимания особенностей «реального социализма» и его проблем.

Оба автора пришли к своей книге отнюдь неслучайно. Оба закончили исторический факультет МГУ, оба были талантливыми историками. М.Я. Геллер в 1950 г. был арестован и приговорен к 15 годам лагерей. Но уже в 1957 г. (по другим сведениям – в 1956 г.) он был освобожден и вскоре после этого эмигрировал из СССР, начав карьеру специалиста по советской истории за рубежом. А.М. Некрич воевал на фронте, закончив войну в звании капитана. С 1950 по 1968 г. он был сотрудником Института истории АН СССР, защитив кандидатскую и докторскую диссертации по проблемам английской внешней политики перед Второй мировой войной. В 1965 г. он опубликовал книгу «1941. 22 июня», посвященную первому дню войны и тому, в каком состоянии пришел к ней Советский Союз. При написании книги А.М. Некрич использовал устные источники, что дало ему возможность взглянуть на предмет своего изучения под необычным углом зрения, в контрасте с первым официальным изданием по истории Великой Отечественной войны. В преамбуле к этой книге автор писал: «О причинах, приведших к поражениям на-

чального периода войны, нельзя говорить скороговоркой, ибо такой подход не только наносит ущерб исторической правде, не только принижает героизм советских воинов, проявленный ими в начальный период войны, и величие нашей победы в войне, начатой в исключительно неблагоприятных условиях, но и объективно наносит ущерб интересам нашего государства, наталкивая на неверные выводы из тех уроков, которые были преподаны нам историей. Есть только одна правда. И об этом с суровой прямоотой сказала советскому народу Коммунистическая партия Советского Союза, осудившая на XX и XXII съездах партии серьезные ошибки, порожденные культом личности Сталина» [Некрич 1965, с. 4]. Публикация книги вызвала большие споры. Партийное руководство потребовало от историка признать, что в книге были допущены ошибки, касающиеся изображения высших руководителей страны. После того, как он отказался признать их, его исключили из партии, а книга была изъята из большинства библиотек. Дальше же, по словам сочувствующего ему Л.П. Петровского, – «10 лет глумления спецслужб, запрет публикаций в СССР, вынужденная эмиграция, ностальгия» [Петровский 1995, с. 538–539].

Авторы «Утопии» задали общую концептуальную и хронологическую рамку для «Пражской весны». Первая же фраза этого раздела книги отсылает к событиям IV съезда писателей Чехословакии, на котором прозвучало требование свободы печати и отмены цензуры над литературным творчеством. «Непрочитанное на съезде писателей в Москве, письмо Солженицына было прочитано на съезде писателей в Праге и получило поддержку подавляющего большинства чешских и словацких писателей» [Геллер, Некрич 1982, с. 396]. Затем следовала общая характеристика этого явления – заявления писателей и политиков, провозглашение программы реформ, обещание строительства «социализма с человеческим лицом», а также причины и предпосылки «весны» – смерть Сталина, XX съезд КПСС, экономический кризис в ЧССР, нарастание «оппозиционных настроений в Советском Союзе». Последнему фактору авторы, будучи диссидентами, уделили больше внимания. В поле их зрения попали события, связанные с распространением националистических настроений на окраинах СССР, прежде всего, в Литве и на Украине.

Характеризуя политическую позицию чехословацкого руководства, авторы «Утопии...» сделали акцент на романтизме реформаторов и их иллюзиях по отношению к руководству СССР. По мысли авторов, реформаторы были уверены, что другие коммунистические лидеры одобряют их замыслы. «Иллюзию относительно советских намерений, иллюзию относительно борьбы “голубей” и “ястребов” в Политбюро КПСС Й. Смирковский сохранил до своей смерти. На этой иллюзии строят свою политику Дубчек и его сторонники летом 1968 года» [Геллер, Некрич 1982, с. 399]. Далее авторы сообщали, что, с их точки зрения, стало поводом для решения руководителей социалистических стран о введении войск: это был манифест «Две тысячи слов», зачитанный

чешским писателем Людвигом Вацуликом 27 июня 1968 г. «После публикации манифеста вопрос о вторжении стал проблемой тактической» [Геллер, Некрич 1982, с. 400]. За этим последовало описание того, как были введены войска ОВД и арестованы чехословацкие руководители-реформаторы.

Авторы «Утопии» не только описывали факты, но и предлагали для них собственные интерпретации. Высказывая свою точку зрения об историческом смысле «нормализации», они писали: «Ровно за 30 лет до того, в 1938 году в Мюнхене, президент Чехословакии Гаха, плача, подписал навязанное ему Гитлером соглашение, обрекавшее страну на поглощение Третьим рейхом. В 1938 году нацист Гитлер сломал волю демократа Гахи. В 1968 году советские коммунисты ломали чехословацких коммунистов, попытавшихся реформировать систему социализма, нарушивших таким образом обязательную для всех коммунистов дисциплину» [Геллер, Некрич 1982, с. 400–401]. В этой фразе бывшие советские историки позволили себе то, что не могли ни при каких обстоятельствах позволить себе их советские коллеги по цеху – поставить в один ряд нацистов и коммунистов. Такого не было также и у А.Д. Сахарова в его «Размышлениях» и у А.И. Солженицына в его текстах, весьма критичных в адрес «режима».

Подавление «Пражской весны» авторы «Утопии» ставили в один ряд с другими проявлениями «пролетарского интернационализма»: вторжением СССР в Польшу в 1920 г., установлением советской власти в Закавказье в 1920–1921 гг. Примечательно, что М.Я. Геллеру и А.М. Некричу не пришлось в голову рассматривать эти процессы геополитически, сквозь призму «имперской теории»; создание большевиками собственного государства в пределах границ исторической России историки-диссиденты предлагали интерпретировать сквозь призму идеологии. Иначе говоря, их мышление было таким же, как и мышление большинства их коллег в СССР, но только теперь со знаком «минус».

В анализе истории «нормализации» Чехословакии авторы «Утопии» активно применяли дискурс-анализ. Их внимание было посвящено особенностям советского политического дискурса, опирающегося на такие понятия, как «ленинские принципы», «классовая борьба», «пролетарский интернационализм», «социалистическое строительство». Концентрация внимания на советской риторике, с их точки зрения, была призвана показать зияющую пропасть между словами и делами у «советских коммунистов». Но если бы авторы «Утопии» взяли на себя труд проанализировать официальный политический дискурс лидеров «свободного мира», то и здесь они смогли бы без большого труда обнаружить дистанцию между риторикой «свободы», «демократии» и «прав человека», с одной стороны, и реальной политикой – с другой. Возможно, в этой ситуации их концепт «реальный социализм», который они использовали для обозначения брежневского социализма без человеческого

лица, получил бы совсем иное наполнение – и превратился бы в социализм «прагматический», «реалистичный», «рациональный», «последовательный». Однако поскольку геополитическое мышление было не в чести ни среди советских историков, ни среди выходцев из этой школы, перешедших в лагерь диссидентов, то все главные выводы, которые были сделаны в рамках книги М.Я. Геллера и А.М. Некрича, оказались выводами идеологизированными и направленными против идеологии – в данном случае коммунистической.

В книге М.Я. Геллера и А.М. Некрича имеется одно примечательное суждение. «12 лет спустя значительная часть населения воспринимает вторжение в Чехословакию, как необходимый и справедливый акт» [Геллер, Некрич 1982, с. 402]. Авторы в свойственной им манере объясняют это следствием работы «советской пропагандистской машины». В частности, они говорят: «Горькие воспоминания о минувшей войне используются для оправдания советской политики. Используется также чувство, старательно воспитываемое у советских людей, что мир должен быть благодарен Советскому Союзу за жертвы, которые он понес в ходе строительства социализма, во время войны с гитлеровской Германией, за помощь, которую он оказывал, оказывает и будет оказывать. Советские средства массовой информации не перестают твердить о “неблагодарности” чехов и словаков, забывших, кто их освободил в 1945 году» [Геллер, Некрич 1982, с. 403]. Советская пропаганда у авторов книги выступает все-таки сильной, способной отформатировать умы миллионов людей. Именно здесь и возникает вопрос к авторам «Утопии»: а так ли сильна была эта пропаганда, как кажется? Ведь у самих-то у них получилось избавиться от ее всеислия. Почему же все остальные советские люди, с их точки зрения, выступили послушными ее жертвами? Вследствие природной слабости ума или по каким-то другим причинам? Поставим еще один вопрос: а нельзя ли было представить себе, что советские люди были адекватными реалистами и потребляли эту самую пропаганду вполне рационально, как оправданную и адекватную форму языковой игры? Возможно, даже советские люди мыслили вполне геополитически и трезво сознавали, что чем дальше на Запад от советских границ расположены советские войска и войска союзников СССР, тем меньше шансов на то, что повторится трагедия Второй мировой войны, и враг не окажется в сотне километров от Москвы. Увы, даже ничего близкого не было в книге М.Я. Геллера и А.М. Некрича по этому поводу и, пожалуй, не могло быть. Все поставленные выше вопросы о геополитическом мышлении относительно событий «Пражской весны» были уместны только во времена Потсдамской конференции 1945 г., когда реалистичный геополитик И.В. Сталин задался целью отодвинуть границы подконтрольных ему территорий как можно дальше на Запад. Уместны такие вопросы, очевидно, и теперь, спустя более полувека после «Пражской весны», когда границы подконтрольной Москве территории на Западе отстоят от самой Москвы опять на все те же самые считанные сотни километров.

Важная часть «Утопии» была посвящена Демонстрации на Красной площади 25 августа 1965 г. Авторы изображают вышедших на Красную площадь советских защитников «Пражской весны» как пробудившихся ото сна, навеянного советской пропагандой. Значительность их протестной акции подкрепляется также ссылкой на то, что отважную восьмерку протестующих поддержали 95 деятелей советской культуры, обратившихся в Верховный Совет СССР с письмом протеста. За этим в тексте последовали закономерные отсылки к фигурам А.Д. Сахарова и А.И. Солженицына. По словам авторов, «за очень редкими исключениями “диссиденты”, как станут называть всех тех, кто ставит под сомнение божественную мудрость государства, не были организованной оппозицией с программой и планом действия... Появление “диссидентов” свидетельствовало о том, что... государство не всемогуще» [Геллер, Некрич 1982, с. 404].

В заключительной части повествования авторы «Утопии» позволили себе высказаться о своих бывших соотечественниках, оставшихся в СССР. В их словах прозвучала целая гамма чувств – сочувствие, сарказм, презрение. Почувствовать их позволяет последний абзац повествования: «К диссидентам советские граждане относятся по-разному. Одни с ненавистью, другие с опаской, третьи с симпатией. Есть слой образованных людей либерального образа мыслей – у них преобладает чувство неловкости... Либералы готовы негласно помочь диссидентам деньгами, одеждой... Либералы предпочитают выбор Галилея, делая вид, что этот выбор они делают также... под пыткой, хотя их еще не пытали, но ведь могут же быть неприятности! И это свое слабодушие они стараются внушить своим детям, превращая их в циников, конформистов и прагматиков» [Геллер, Некрич 1982, с. 405]. По всему строю этой фразы, кажется, что авторы хотели сказать: «Пражская весна» была настоящим чудом, а вы все не оценили его, не защитили.

Заключение

Историческая реконструкция таких судьбоносных событий, как «Пражская весна», всегда является делом сложным. Цепь одних и тех же фактов, даже взятых целиком и полностью, складывается каждый раз по-разному, если подходить к ним с разными вопросами. Вопрос о том, как зов «Пражской весны» отозвался в кругах советской диссидентской интеллигенции, будет приводить нас к разным ответам в зависимости от того, как мы будем трактовать одно из долгосрочных последствий самой «Пражской весны» – распад советского государства. Из-под обломков этого распавшегося государства, после долгих лет собственной неустроенности и неприятности далекие «чехословацкие события» 1968 г. выглядят всего лишь как неизбежный эпизод в цепочке других исторических событий – «нового мышления»

М.С. Горбачева, перестройки, Беловежского соглашения, кровавых войн по всему периметру бывшего СССР. Но, конечно, это же самое событие можно рассматривать и как проверку на человечность, на наличие совести и мудрости, на политическую сдержанность или горячность.

«Пражская весна» – важнейший эпизод в истории становления советской диссидентской интеллигенции. Она была зовом, на который предстояло откликнуться. И отклик на этот зов последовал, превратившись в эхо. Этим эхом и стали реальные люди с их судьбами и с их восприятием того, что они сами считали «Пражской весной», люди с их личными убеждениями и мотивами. Так, академик А.Д. Сахаров к «Пражской весне» пришел через внутренний конфликт ученого и гражданина – конфликт, в котором, как он считал, гражданин победил ученого, и поэтому физик-ядерщик А.Д. Сахаров, покинув свой институт, обратился к правозащитной деятельности. Писатель А.И. Солженицын «Пражскую весну» воспринял как собственное детище – письмо на IV съезде чехословацких писателей он считал причиной начавшихся в ЧССР изменений, а также как первый настоящий бой с ненавистным «режимом» – бой проигранный, но закаливший проигравшую сторону – советских и чехословацких диссидентов. Историки М.Я. Геллер и А.М. Некрич восприняли «Пражскую весну» как островок свободы в царстве «реального социализма», о который этот социализм сначала сломал зубы, а затем и собственную шею. Для них «Пражская весна» стала также поводом для осмысления себя и своего отношения к бывшим согражданам в СССР, воспринявшим гибель «Пражской весны» как необходимость.

Библиография

Вторжение: взгляд из России. Чехословакия, август 1968. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 304 с.

Гавел В. К изданию собрания сочинений // Сахаров А. Тревога и надежда: в 2 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 9–11.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 2 т. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1982. Т. 2. 551 с.

Горелик Г. Андрей Сахаров. Наука и свобода. М.: Вагриус, 2004. 605 с.

Горелик Г. 50 лет «Размышлениям...» Андрея Сахарова о прогрессе, мире и свободе // Троицкий вариант – Наука. 2018. № 258. 17 июля. С. 2–3. URL: <https://trv-science.ru/2018/07/50-let-razmyshleniyam-saxarova/> (дата обращения: 22.02.2021).

Гудков Л. Пражская весна 1968 года в оценках российского общества (сорок лет спустя). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/4/prazhskaya-vesna-1968-goda-v-oczenkah-rossijskogo-obshhestva.html> (дата обращения: 16.01.2021).

Даниэль А.Ю. 1968-й в Москве: начало // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2008. № 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/4/1968-j-v-moskve-nachalo.html> (дата обращения: 16.01.2021).

Записка КГБ от 5 сентября 1968 г. URL: <https://web.archive.org/web/20171108182643/http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/dis60/kgb68-5.pdf> (дата обращения: 12.01.2021).

Люди августа 1968... // Полит. Ру. 2 сентября 2008 г. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/02/reople68/> (дата обращения: 12.01.2021).

Мурашко Г.П. «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 389–420.

Некрин А.М. 1941. 22 июня. М.: Наука, 1965. 173 с.

Островский А. Солженицын. Прощание с мифом. М.: Яуза, Пресском, 2004. 736 с.

Петровский Л.П. Дело Некрича // Вестник РАН. 1995. Т. 65. Вып. 6. С. 528–539.

Сараскина Л.И. Солженицын и медиа в пространстве советской и постсоветской культуры. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 608 с.

Сахаров А. Автобиография (24 марта 1981 г.) // Сахаров А. Тревога и надежда: В 2 т. М.: Время, 2006 а. Т. 1. С. 49–55.

Сахаров А. Воспоминания: в 3 т. М.: Время, 2006. Т. 1. 896 с.

Сахаров А. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе (июнь 1968 г.) // Сахаров А. Тревога и надежда: в 2 т. М.: Время, 2006 б. Т. 1. С. 67–130.

Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Согласие, 1996. 688 с.

Солженицын А.И. Жить не по лжи (12 февраля 1974 а). URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf (дата обращения: 5.04.2021).

Солженицын А.И. На возврате дыхания и сознания // Из-под глыб: сб. ст. Париж: YMCA-PRESS, 1974 б. С. 7–28.

Сосин Дж. Искры свободы: Воспоминания ветерана радио. Б.м., б.и., 2008. URL: <https://docs.fferl.org/archive/ru/sosin.pdf> (дата обращения: 5.03.2021).

Фурсов А.И. Солженицын и власть: жизнь во лжи // Свободная мысль. 2020. № 6. С. 7–26.

Bahr E. Kafka and the Prague Spring // Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal. 1970. Vol. 3. N 4. P. 15–29.

Gorelik G. The World of Andrei Sakharov: A Russian Physicist's Path to Freedom. Oxford: Oxford University Press, 2005. 406 p.

Sakharov A. Progress, Coexistence, and Intellectual Freedom / With Introduction, Afterword, and Notes by Harrison E. Salisbury. New York: W.W. NORTON, 1968. 158 p.

The KGB file of Andrei Sakharov / ed. by Joshua Rubenstein and Alexander Gribanov. New Haven: Yale University Press, 2005. 397 p.

References

Bahr E. Kafka and the Prague Spring. Mosaic: An Interdisciplinary Critical Journal. 1970. Vol. 3. N 4. P. 15–29.

Daniel A. 1968 v Moskve: nachalo [1968 in Moscow: the beginning]. Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i culture [NZ. Debates on policy and culture]. 2008. N 4. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/4/prazhskaya-vesna-1968-goda-v-ocenkeh-rossijskogo-obshhestva.html> (date of access: 16.01.2021). (In Russ.)

Fursov A.I. Solzhenitsyn i vlsat': zhizn' vo lzhi [Solzhenitsyn and Power: Life in a Lie]. Svobodnaya mysl' [Free thought]. 2020. N 6. P. 7–26. (In Russ.)

Gavel V. K izdaniyu sobraniya sochineniy [To the publication of the collected works]. Sakharov A. Trevoga i nadezhda [Anxiety and Hope]: 2 vol. Moscow: Vremya, 2006. Vol. 1. P. 9–11. (Collected Works).

Gorelik G. *Andrey Sakharov. Nauka i svoboda* [Andrey Sakharov. Science and freedom]. Moscow: Vagrius, 2004. 605 p. (In Russ.)

Gorelik G. 50 let «Razmyshleniyam...» Andrey Saharova o progresse, mire i svobode [50 years of «Reflections ...» by Andrei Sakharov on progress, peace and freedom]. *Troitskiy variant – Nauka* [Troitsk variant – Science]. 2018. N 258. 17 July. P. 2–3. URL: <https://trv-science.ru/2018/07/50-let-razmyshleniyam-saxarova/> (date of access: 22.02.2021). (In Russ.)

Gorelik G. *The World of Andrei Sakharov: A Russian Physicist's Path to Freedom*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 406 p.

Gudkov L. *Przhskaya vesna 1968 goda v otsenkakh obchestva (sorok let spustya)* [The Prague Spring of 1968 in the assessments of Russian society (forty years later)]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/4/przhskaya-vesna-1968-goda-v-ocenkah-rossijskogo-obshhestva.html> (date of access: 16.01.2021). (In Russ.)

Heller M., Nekrich A. *Utopiia u vlasti. Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei* [Utopia is in power. History of the Soviet Union from 1917 to the present day]. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1982. Vol. 2. 551 p. (In Russ.)

Lyudi avgusta 1968... [People of August 1968...]. *Polit.Ru*. Sept. 2, 2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/09/02/people68/> (date of access: 12.01.2021). (In Russ.)

Murashko G.P. «Prazhskaya vesna» i sovetskaya intelligentsiya: k voprosu o formirovanii «vnutrisistemnoi oppozitsii» neostalinizmu [«Prague Spring» and the Soviet intelligentsia: on the formation of «intrasystem opposition» to neo-Stalinism]. «Prazhskaya vesna» (Istoricheskaya perspektiva) [«Prague Spring» (Historical retrospective)]: digest of articles. Ed. by T.V. Volokitina, G.P. Murashko, A.S. Stykalin. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 389–420. (In Russ.)

Nekrich A.M. 1941. 22 Iyunya [1941. June 22]. Moscow: Nauka, 1965. 173 p. (In Russ.)

Ostrovskiy A. *Solzhenitsyn. Proshchanie s mifom* [Solzhenitsyn. Farewell to myth]. Moscow: Yauza; Presskom, 2004. 736 p. (In Russ.)

Petrovskiy L.P. Delo Nekricha [The Nekrich Case]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the RAS]. 1995. Vol. 65. N 6. P. 528–539.

Sakharov A. *Avtobiografiya (24 Marta 1981 g.)* [Autobiography (March 24, 1981)]. Sakharov A. *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]: 2 vol. Moscow: Vremya, 2006 a. Vol. 1. P. 49–55. (Collected Works). (In Russ.)

Sakharov A. *Vospominaniya* [Memories]: 3 vol. Moscow: Vremya, 2006. Vol. 1. 896 p. (Collected Works). (In Russ.)

Sakharov A. *Razmyshleniya o progresse, mirnom suosuchestvovanii i intelektual'noy svobode* [Reflections on Progress, Coexistence, and Intellectual Freedom]. Sakharov A. *Trevoga i nadezhda* [Anxiety and Hope]: 2 vol. Moscow: Vremya, 2006 b. Vol. 1. P. 67–130. (Collected Works). (In Russ.)

Sakharov A. *Progress, Coexistence, and Intellectual Freedom*. With Introduction, Afterword and Notes by Harrison E. Salisbury. New York: W.W. NORTON, 1968. 158 p.

Saraskina L.I. *Solzhenitsyn i media v prostranstve sovetskoi i possovetskoi kul'tury* [Solzhenitsyn and media in the space of Soviet and post-Soviet culture]. Moscow: Progress-Traditsiya, 2014. 608 p.

Solzhenitsyn A.I. *Bodalsya telionok s dubom. Ocherki literaturnoy zhizni* [Butting a Calf with an Oak: Essays on Literary Life]. Moscow: Soglasie, 1996. 688 p. (In Russ.)

Solzhenitsyn A.I. *Zhit' ne po lzhi (12 fevralya 1974 a)* [Live not by lies (February 12, 1974 a)]. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskom_soyuze/jzit_ne_po_ljzi.pdf (date of access: 5.04.2021). (In Russ.)

Solzhenitsyn A. *I na vozvrate dykhaniya i soznaniya* [On the Return of Breath and Consciousness]. *Iz-pod glyb* [From under the Boulders]. Digest of articles. Paris: YMCA-PRESS, 1974 b. P. 7–28.

Sosin Dz. Iskry svobody. Vospominaniya veterana radio [Sparks of Freedom: Memoirs of a Radio Veteran]. s.l., s.n., 2008 (date of access: 5.03.2021). (In Russ.)

The KGB file of Andrei Sakharov. Ed. by Joshua Rubenstein and Alexander Gribanov. New Haven: Yale University Press, 2005. 397 p.

Vtorzhenie: vzglyad iz Rossii. Chekhoslovakiya, avgust 1968 [Invasion: A View from Russia. Czechoslovakia, August 1968]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1968, 2016. 304 p. (In Russ.)

Zapiska KGB ot 5 sentyabrya 1968 g. [KGB note dated September 5, 1968]. URL: <https://web.archive.org/web/20171108182643/http://psi.ece.jhu.edu/~kaplan/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/dis60/kgb68-5.pdf> (date of access: 12.01.2021). (In Russ.)